

УДК 821.161.1.06

ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЖАНРА ПАЛОМНИЧЕСКИХ ХОЖДЕНИЙ В РОМАНЕ Н.А.ПОЛЕВОГО «КЛЯТВА ПРИ ГРОБЕ ГОСПОДНЕМ»

© А.К.Семенкин

В статье рассматривается проблема следования Н.А.Полевым в романе «Клятва при Гробе Господнем» традициям древнерусского жанра паломнических хождений при описании паломничества вымышленного героя Ивана Гудочника в Иерусалим. Рассказ Ивана Гудочника сопоставляется с древнерусскими хождениями, и в частности, с хождением игумена Даниила, по следующим критериям: объект изображения, композиция, повествователь, язык. Указывается на объединяющее повествователей хождений и героя-рассказчика в романе Полевого религиозно-символическое мировоззрение. Отмечается, что опора на традиции жанров древнерусской литературы – черта романтического историзма автора романа «Клятва при гробе Господнем».

Ключевые слова: исторический роман, древнерусский жанр паломнических хождений, композиция, религиозно-символическое мировоззрение, романтический историзм.

Интерес к национальной старине, колориту эпохи – характерная черта романического историзма. Данная статья обращена к проблеме традиций древнерусского жанра паломнических хождений в историческом романе Н.А.Полевого «Клятва при Гробе Господнем» (1832 г.), посвященном событиям феодальной междоусобицы второй трети XV века: здесь воссозданы картины борьбы между Юрием Дмитриевичем Галицким, его сыновьями Василием Косым, Димитрием Шемякой и великим князем Василием Васильевичем Темным. Другой сюжетной линией романа является тема восстановления независимости Суздальского княжества, утраченной в 1392 г. в результате политики Московского князя Василия Дмитриевича. Старый слуга Суздальских князей Иван Гудочник (вымышленный таинственный персонаж, проходящий через все сюжетные перипетии) дал клятву при Гробе Господнем в Иерусалиме вернуть прежнее величие и самостоятельность княжеству. С этой клятвой связано заглавие романа и важная композиционная составляющая – рассказ о паломничестве в Иерусалим в пятой и шестой главах первой части романа.

Иван Гудочник, наделенный сверхъестественными способностями и особенной речью, в разговоре с дедушкой Матвеем по пути в Москву воссоздает опыт путешествия из Руси на Восток – к важнейшей христианской святыне, причем его повествование строится по модели паломнических хождений, широко распространенных в древнерусской литературе. Характерно, что, кроме прозвища Гудочник, Иван носил и другое – «Паломник». По мнению Н.К.Козмина, высказанному в 1900 г., он «принадлежит к числу тех благочестивых странников, которые путешество-

вали ко Гробу Господню в Иерусалим» [1: 102]. Действительно, хождение Гудочника близко к хождениям русских паломников в центры христианского Востока. Их целью, согласно исследованию Н.И.Прокофьева, было «изучение культовых обрядов, памятников христианской культуры и искусства, мест христианской мифологии и политической обстановки в других странах» [2: 11].

Известно, что объект изображения в жанре хождений (в широком диапазоне его разновидностей) – «реальные путешествия <...> и те впечатления и раздумья, которые возникали у путешественника в результате наблюдений природы, экономики, быта, нравов, культуры и искусства народа другой страны» [2: 10]. Объект авторского внимания в хождениях определяет композицию жанра, которая сводится к ряду последовательных очерковых зарисовок событий и предметов. Порядок зарисовок повторяет логику путешествия, соответствует его хронологической последовательности.

В рассказе Гудочника, представляющем собою романтическую «версию» хождений, также можно выделить ряд очерковых зарисовок. Существенную часть повествования занимает рассказ о пути до Иерусалима, преисполненном лишений и волнений. Это образы морской стихии и иных ликов враждебной природы, агарянских разбойников: *«Надобно тебе знать, что Святой Иерусалим исполнен запустения на месте святе. Плынешь к нему морями, идешь горами и степями, от солнца сгоревшими, терпишь глад и жажду. Вода в море соленая, солнце печет, стрела разбойника агарянского ждет тебя из-за каж-*

дого кусточка, ядовитые скорпионы ползает по горячей песчаной дороге» [3: 60].

Как и в древнерусских паломнических хождениях, зарисовки условно «реальных» событий путешествия Гудочника перемежаются библейско-легендарными, оснащенными традиционной цифровой и предметной символикой, например: *«До Иерусалима мы проплыли через три моря: Черное, Белое и Средиземное. Когда проедешь мимо Царяграда, так с одной руки Святая земля, с другой Греческая земля, с третьей Египетская земля. Море Средиземное, как чаша, находится среди мира, и меня привел Бог молиться на самой середине Божьего творения»* [3: 60]. Это придает своеобразие композиции произведения и отражает важную традицию древнерусских хождений, претворенную писателем-романтиком в образном строе произведения. Имеется в виду тот факт, что творческий метод древнерусских хождений основывается на религиозно-символическом мировоззрении. Как писал Н.И. Прокофьев, «символическое в хождениях выражено и в прямом пересказе библейских легенд, и в зарисовках персонажей христианской мифологии и христианских святынь <...> и в намеках на библейские символы, и в трактовках явлений исторической жизни, и, наконец, в самом отборе материала для описания» [2: 19-20]. Н.А. Полевой, прекрасно понявший дух воссоздаваемой эпохи, наделяет близким типом мышления Ивана Гудочника. Он сказывается уже в самой клятве, которую герой дает непосредственно рядом с Гробом Христа, символически воплощающем его смерть и Воскресение. Важнейшие составляющие повествования, отразившие религиозный символизм древнерусских хождений, – описание храма Гроба Господнего, рассказ о праздновании пасхи, крестного хода: *«Обширный, темный и без того, Храм этот был тогда изредка освещен свечками и лампадками <...>. Наконец, патриарх Греческий собрал весь клир, облачился, потушили остальные свечи и лампадки и с пением пошли все мы встречать Христа по той дороге, где касались земли его святые стопы»* [3: 61]. Среди подробностей изображения пасхального богослужения, возглавляемого Иерусалимским патриархом, – картина схождения в пасхальную ночь Благодатного огня: *«Тут, с молитвами и со слезами, пали все мы на колени, и лишь только ударила полночь... струями сошел огонь на свечу, которую держал патриарх. Рыдая, зажгли мы свечи от свечи патриаршей»* [3: 61].

Страстный рассказ Гудочника вызывает такие же глубокие переживания у слушающего его дедушки Матвея, что придает повествованию черты психологизма (реализованного и в иных

композиционных элементах романа). Психологизм сочетается с определенной исторической достоверностью: автор рисует образ паломника-энтузиаста, исполненного политического и религиозного фанатизма. Гудочник, по замечанию Н.К. Козмина, «как русский, а главное, православный человек скорбит о судьбе Иерусалима, попавшего в руки неверных» [1: 102]. Н.А. Полевой воссоздает глубокий религиозный антагонизм (между исламом и христианством, православием и католицизмом), вызванный средневековыми войнами за передел мира, укорененным конфессиональным противостоянием, исторически обусловленным отсутствием веротерпимости: *«Сердце православного обливается кровью, когда он видит при том проклятого мугаммеданина владыкою святого храма, и когда в самом храме, подле гроба Спасителя, бьют христиан палками, и святой храм разделен на четыре части: армянам, папешам (т.е. приверженцами «папской» веры – католицизма – А.С.), арианам <...>»* [3: 60]. Озабоченные и вдохновленные идеей вернуть Гроб Господень, Гудочник и дедушка Матвей сокрушаются по поводу реального отсутствия политической и военной воли у какого-либо *«владыки земного <...> который возревновал бы отнять драгоценное наследие христиан»* [3: 61]. Авторская позиция, при условии воссоздания типичного средневекового мировидения героев, едва ли совпадает с ним. Гудочник, наложив на себя неисполнимый обет у Гроба Господня, терпит неудачу на поле политической борьбы. Однако воссоздание характерного для XV века видения паломником (и его сотоварищем) историко-культурных и религиозных реалий имеет важную идейно-эстетическую роль. В связи с этим заметим, что в художественном творчестве Н.А. Полевой реализовал свое понимание романтического историзма, выраженное в эстетическом трактате «О романах В.Гюго и вообще о новейших романах»: «Романтизм <...> разнообразие самобытностей доведет до высочайшей степени. Он узнает все самые мелкие черты различных народностей, воссоздаст прошедшее <...> по условию местности, философии и истории» [4: 126]. В паломнических хождениях, как правило, видны следы книжных источников: византийских проскинитариев, библейских, житийных и апокрифических текстов, устных легендарных преданий. В рассказе Гудочника из книжных источников, вероятно, повесть о крестоносцах; рассказ о Царьграде. Исторические или легендарно-исторические «сопровождения» путевых впечатлений: рассказ о борьбе за Гроб Господень, о Царьграде – воплощают ценностные константы сознания героя-паломника.

Национальное самосознание персонажа отражается, например, в его размышлениях о Руси, которая расположена между полночью и полуднем, Востоком и Западом. В этих пассажах сказались «руссизм» Н.А.Полевого, представление об особой миссии России на пересечении Европы и Азии.

Повествование в рассказе Гудочника, как и в хождениях, ведется от первого лица. Рассказ героя представляет собой монологическую речь. Как и в паломнических хождениях, монологическая речь в повествовании Гудочника иногда переходит в диалогическую (диалог Гудочника с дедушкой Матвеем). Известно, что «язык хождений характеризуется деловитостью, точностью, краткостью и ясностью описаний. Хождения лишены риторичности», однако живая разговорная речь в повествовании Гудочника смешивается с языковой стихией «церковнославянского языка, используемого в рассказах о библейских или апокрифических историях, приуроченных к местам или предметам» [2: 17, 19]. Язык рассказа Гудочника отвечает не всем этим канонам. В нем цитируются молитвы («*Воскресение Твое Христе Спасе! Ангелы поют на небесах, и нас на земле сподоби прославить тебя чистым сердцем*»; «*Христос воскрес из мертвых*» [3: 61]), употребляются старославянизмы. Однако от прагматической «деловитости» и точности язык вымышленного «хождения» далек: автор наделяет рассказ романтическими сравнениями, причем довольно распространенными (лампадки «*<...> теплились в разных местах, словно звездочки во мраке глубокой ночи*»; сердце Гудочника «*было чисто, как душа младенца*» [3: 61]), речь Паломника исполнена инверсиями, отличается патетикой.

В романтическом образе паломничества Гудочника в Иерусалим, как нам представляется, отразились некоторые черты хождения игумена Даниила, который является зачинателем жанра. Игумен Даниил (или Даниил Паломник) – православный монах, священник, первый, кто описал Святую землю, куда он совершил путешествие в 1104–1106 гг. Книга «Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли» стала древнейшим «образцом» для последующих описаний, а также одним из наиболее заметных произведений древнерусской литературы в целом. «Хождение...» было очень популярным на Руси, сохранилось более 150 его списков. Ко времени написания Н.А.Полевым романа «Клятва при Гробе Господнем» было как минимум одно издание «Хождения игумена Даниила» в 1818 г. в «Истории Государства Российского» Н.М.Карамзина. Как отмечает Н.И.Прокофьев, «вся последующая древнерусская литература путевых очерков раз-

вивалась в том направлении, которое было задано Даниилом, – писать необходимо лишь о том, что испытал сам путешественник, что он увидел собственными глазами; не допускать выдумки <...> писать так, чтобы чтение путевых записок заменило собой путешествие; создавать законченные небольшие очерки-зарисовки и группировать их в целое произведение по временному и пространственно-топографическому принципу» [5: 21–22]. Очевидны некоторые сходства в романном и собственно паломническом повествовании. Герой Н.А.Полевого, как и игумен Даниил (точнее – его жанровый alter-ego), молится в Иерусалиме за всю русскую землю. Близки наполненному лиризмом размышлению игумена Даниила слова Гудочника о том, что христианину без слез невозможно видеть Святую землю. Для обоих субъектов хождений – исторически конкретного и относящегося к вымышленному миру романа – характерно религиозно-символическое мировоззрение. Основное внимание в рассказе Гудочника уделено пасхальному богослужению, возглавляемому Иерусалимским патриархом, в храме Гроба Господнего. Гудочник повествует не только о самом чуде сохождения в пасхальную ночь Благодатного огня, но и об экстатическом состоянии паломников, о молитве на двадцати языках. Личностный, «лирический» пафос – общая примета повествования. Однако в хождении игумена Даниила представлено гораздо больше культовых объектов и памятников христианской культуры и искусства, мест христианской мифологии и природных зарисовок (лавра святого Савы, Тивериадское море, Фавор, Назарет, Хеврон, Иордан, столп Давидов, Елеонская гора, церковь Воскресения, Святая Святых, Гроб Господень, церковь святого первомученика Стефана, Вифлеемские врата, Вениаминовы врата, Иордан, кладезь святого Савы, Мертвое море, Фаворская гора, церковь Преображения, церковь Моисея и Илии) [6]. Игумен Даниил также повествует о встрече с Иерусалимским королем Балдуином и о кадиле, поставленном у гроба Господня за Русскую землю. В рассказе Гудочника отсутствует эпизод самоуничтожения, который представлен в хождении игумена Даниила.

В поэтике романа Н.А.Полевого образ Святой земли и/или пути к ней является лейтмотивом. Помимо Ивана Гудочника, обещание пешком сходить ко Гробу Господнему дает другой герой романа, боярин Иоанн Дмитриевич Всеволожский, перед этим вернув великое княжение Юрию Дмитриевичу, так как в Орде он способствовал тому, чтобы вопреки правилу о престолонаследии великим князем объявили Василия

Васильевича Темного. В четвертой части дан иронически сниженный, пародийный образ хождений в Иерусалим ливонского герцога Клевского, которому «Бог знает с чего, вздумалось ехать на поклонение Святому Гробу в Иерусалим через русские земли» [3: 368]. Неправославный путь оказывается путем обманным. Тема Гроба Господнего возникает в связи с темой Новгородской республики, когда говорится об опасностях, угрожающих ей со стороны Ливонии, Литвы и Москвы. Такое развитие мотива хождения ко Гробу Господнему усиливает гущенную атмосферу религиозности, пронизывающей военно-политическую жизнь русского мира XV века, представленного в историческом романе Н.А.Полевого.

Хождения по Руси, православной и неправославной, заявлено в условной «экспозиции» к сюжету путешествия Гудочника в Святую землю: Гудочник «поклонился гробам князя Даниила, князя Романа Галицкого, князя Мстислава Мстиславича, князя Владимирка Володаревича, князя Ярослава Владимировича, князя Льва Данииловича». Однако, взывая к именам славных князей, метафорически уподобленным «соколам золотокрылым», Гудочник отлично сознает иную по сравнению с Гробом Господнем – профанную, а не сакральную природу их успения; могила интерпретируется в фольклорно-языческом духе:

«Спите вы крепко в сырой земле и не явитесь стать копьем богатырским за землю русскую!» [3: 59].

Традиции жанра хождений, широко представленных в древнерусской литературе, помогли Н.А.Полевому создать образы Гроба Господня и пути к нему, повлиявшие на *духовный* путь и политическую борьбу одного из главных героев романа.

* * * * *

1. Козмин Н.К. Очерки из истории русского романтизма. Н.А.Полевой как выразитель литературных направлений современной ему эпохи. – Санкт-Петербург, 1900. – 574 с.
2. Прокофьев Н.И. Хождение как жанр в древнерусской литературе // Вопросы русской литературы // Уч. записки МГПИ им.Ленина. – Т. 288. – Москва, 1968. – С. 3 – 25.
3. Полевой Н.А. Клятва при Гробе Господнем: Русская быль XV века. – Москва: Профиздат; Товарищество «Возрождение», 1992. – 400 с.
4. Полевой Н., Полевой Кс. Литературная критика: Статьи, рецензии 1825-1842. – Л.: Худ. лит., Ленинградское отделение, 1990. – 588 с.
5. Прокофьев Н.И. Язык и жанр. Об особенностях языка древнерусских хождений // Русская речь. – 1971. – № 2. – С. 21 – 22.
6. Православный палестинский сборник. – Т. I. Вып. III и IX. – Санкт-Петербург, 1885.

TRADITIONS OF OLD RUSSIAN PILGRIMAGE GENRE IN N.A.POLEVOY'S NOVEL «THE OATH AT THE HOLY SEPULCHRE»

А.К.Semenkin

The article highlights N.A.Polevoy's feature of following the tradition of Old Russian pilgrimage genre in describing the pilgrimage of the fictional character Ivan Gudochnik in Jerusalem in his novel «The Oath at the Holy Sepulchre». The story of Ivan Gudochnik is compared with Old Russian pilgrimages, in particular, with that of Father-Superior Daniil, on the following criteria: the object of image, composition, narrator, language. The religious-symbolic world outlook is common for both the story-teller of the pilgrimages and the narrator in N.A.Polevoy's novel. It is noted that reliance on the traditions of Old Russian literature genres is characteristic of N.A.Polevoy's romantic historicism.

Key words: historical novel, Old Russian pilgrimage genre, composition, religious-symbolic world outlook, romantic historicism.

* * * * *

Семенкин Александр Константинович – литературный редактор ООО Научно-издательский центр «Ладомир» (г.Москва, г.Зеленоград).

E-mail: alksem@mail.ru

Поступила в редакцию 22.02.2013